

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ,
КАКОЙ БЫ ОНА НИ БЫЛА

Олег КОНДРАТЬЕВ

КАТАСТРОФЫ ПРЕДТВРАЩАЮТ
РЕАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

ИГРА НА СВОЕМ ПОЛЕ

Олег Владимирович Кондратьев

Игра на своем поле

Серия «Роман о российском спецназе»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63070443
Игра на своем поле: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-116019-7

Аннотация

В Баренцевом море обнаружено радиоактивное загрязнение акватории. Специальная комиссия определила, что источник заражения находится на борту затонувшего судна, перевозившего опасные отходы. Однако такое заключение не в интересах коррумпированных чиновников. Они готовы организовать подрыв уже затопленного судна, чтобы уничтожить следы своей аферы. В числе членов комиссии под чужим именем оказывается капитан-лейтенант Сергей Редин, участник той перевозки, знающий, по чьей вине произошла катастрофа. Рискую жизнью, он решает спасти и доставить в Москву важные улики, изобличающие предателей. С этого момента за Рединым начинается настоящая охота...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Олег Владимирович Кондратьев

Игра на своем поле

...Корабль лежал на правом боку с таким дифферентом на нос, что казалась удивительной сама возможность сколь-нибудь долго сохранять подобное неустойчивое равновесие. Но часы складывались в дни, те – в месяцы, и вот скоро минуло год, как он обосновался на этом северном склоне Центральной впадины Баренцева моря.

Скользить бы ему, тонущему, беспрепятственно вниз под тяжестью собственного веса на всю полукилометровую глубину, если бы не горизонтальный уступ, на краю которого еще и пристроился средних размеров обломок скалы. Тонн эдак на семьсот. Умиравшему кораблю оставалось лишь ткнуться в его монолитный бок и, бесплодно истратив на это последние запасы динамической силы, угрюмо замереть, молчаливо сокрушаясь по поводу такой непредвиденной задержки и лелея призрачные надежды на естественное продолжение и славное завершение своего последнего в жизни пути.

Надо сказать, что надежды эти были не такие уж призрачные. Любой тектонический сдвиг земной коры в этом районе грозил нарушить шаткое равновесие на карнизе. К тому же

придонные перемещения воды – это тоже хороший катализатор, пусть и не отличающийся быстродействием, но неумолимо эффективный.

Пока же суд да дело, за нашего нежданного пришельца активно взялись обитатели подводного мира. Почти весь корпус корабля был облеплен всевозможными ракушками, мидиями, полипами и еще черт знает чем. Какие-то рачки, улитки, креветки, черви копошились во всех углах внутренних помещений. Разномастные водоросли оплетали весь такелаж, их листья-перья лениво покачивались, размывая видимые контуры остова. Небольшие стайки мелких рыбешек, серебрясь, сновали через раскрытые и выбитые иллюминаторы и переборки.

Казалось, новым жильцам нет никакого дела до прошлой жизни их теперешнего хозяина. Однако...

В носу от обгоревшего остова ходовой рубки, как раз на миделе, виднелась широкая светлая поперечная полоса, опоясывающая по бортам и под днищем весь корабль. На этом участке корпус был чист от всякой присосавшейся живности. Там, за стальной переборкой, под многотонной свинцовой защитой спецхранилищ продолжалась своя, чуждая всему живому, неорганическая жизнь: в длинных узких цилиндрических отверстиях находились отработанные урановые стержни ядерных реакторов.

Здесь продолжался радиоактивный распад. Спонтанно делились атомные ядра, испускались частицы и гамма-кван-

ТЫ...

Глава 1

– Да-а-а, эк вас дачно-отпускная-то лихорадка прихватила, – заместитель начальника Управления ядерной безопасности обвел неодобрительным взглядом небольшой полупустой зал для совещаний, – неужели это я собственноручно утверждал такой график, подписывал рапорта и проездные документы? – Вопрос прозвучал негромко и чисто риторически. – Все! Со следующего года все отпуска равномерно на 12 месяцев раскидаю!

Сидящие в зале немногочисленные офицеры продолжали негромко переговариваться между собой, не особо прислушиваясь к словам начальства и никак не реагируя на, казалось бы, нешуточную угрозу: молодых лейтенантов среди них не было, и в сказки никто давно не верил. Официальная же часть вроде как еще не началась, поэтому выражать лицом и всем своим видом молчаливую заинтересованность и полное понимание было излишним.

– Тьфу, – продолжал ворчать капитан первого ранга, – даже начальника отдела нет, – он покосился на сидящего рядом своего помощника, который с виноватой миной на лице развел руками. – А вот враг не дремлет!

– Значит, нас боится, – лениво протянул кто-то из зала.

– Особенно тебя, Шумилин. Утром в понедельник.

– А чего...

– Ладно, все! Переходим к официальной части. Черт, Казаков, такую... хм... лицо просто категорически неприлично носить с офицерской формой. Кто же нам оклады увеличит, глядя на подобное вопиющее благополучие?! Да-да, знаю, отпуск, Крым, санаторий, вчера с самолета... А, даже сегодня? Тем более! Явился на службу – изволь предъявить угрюмую рожу и непосильный груз вселенской ответственности на узких покатых плечах.

Значит, наверно, ты еще не в курсе наших скорбных дел? Уже просветили? В общем, так, похоже, что один наш «утопленничек» годичной давности «заговорил». И не строй, Шумилин, недовольные рожи! Я наперед знаю все, что ты хочешь сказать и о чем будешь трындеть в курилке, – заместитель начальника управления действительно знал это, так как служил в Инспекции по ядерной безопасности дольше всех – уже двадцать лет – и прошел последовательно и честно все ступеньки карьерной лестницы, – и что «утопленник» не наш, а флотский. И что мы – Инспекция, а не исполнители, и что с точки зрения документации по зоне, которая должна быть у него на борту, к нам не может быть претензий, так как вся эта документация таинственным образом исчезла где-то в дебрях Технического управления Северного флота. Никто и не предлагает здесь с этим разбираться. В кои веки раз нас грамотно привлекают как наиболее квалифицированных экспертов. Не потому, что кто-то поумнел в военной верхушке, а потому, что дело здесь пахнет осложнения-

ми на международном уровне. Тревогу-то первыми подняли архангельские биологи и экологи: у них в Мезенской и даже в Двинской губе к берегу прибило тонны планктона, который до этого свободно дрейфовал по Баренцеву морю. Событие редкое, но не исключительное. Зато последующие лабораторные тесты показали, что все эти мелкие твари, живые и не очень, нахватались такой дозы радиации, будто они приплыли туда напрямиком из-под саркофага над четвертым блоком Чернобыльской АЭС. Пока ученые терялись в догадках, знающие люди быстро установили здесь несомненную связь с затонувшим около года назад спецсудном, которое шло на Новую Землю, имея на борту полный комплект отработанных урановых стержней. Ну, эту информацию от прессы пока закрыли, а вот ученым так просто пасти не заткнешь...

– Что, большие чересчур? – Наивный вопрос прошелестел откуда-то из середины зала.

– Не, Шумилин, проворные, – капитан первого ранга даже не посмотрел на сидящих, – правда, официально прямых параллелей между нашим «утопленцем» и выбросом радиации в стадо каких-то беломорских крокодилов еще не проводят, но это только вопрос времени. Докладывают, что от наших нейтронов там все полыхает фиолетовым пламенем.

– О! Голубые крокодилы? Оригинально!

– Все! Шутки в сторону! – Капитан первого ранга предупреждающе поднял ладонь. – На месте затопления плавмастерской будет работать, точнее, уже начала работать ком-

плексная государственная комиссия. Туда подогнали морскую плавбазу «Свияга», чтобы все могли разместиться. Оборудование на ней прекрасное. Ее специально конструировали где-то на Адмиралтейских верфях. Есть вертолетные площадки, причал для гидросамолетов, внутри все необходимое для глубоководных работ и исследований. В комиссии кого только нет: водолазы из Центра, «рубиновские» конструкторы, много народа из ГУКа, местных тоже, наверное, хватает. Общая задача такая: подтвердить или опровергнуть факт возможности радиоактивного заражения акватории. Хотя, по моему мнению, вряд ли биологи ошибаются. И на основании этого принять решение, что же делать со спецсудном, а точнее, наверное, с его грузом.

Смешно, да, Шумилин?! Ты там у меня посмеешься, на «Свияге»!

– А чего сразу Шумилин?!

– Думаешь, не знаю, что ты жену с детьми на лето в деревню отправил, а сам заполняешь пробелы личного опыта в сфере московской «потусторонней» жизни? Вот мы и побудем нравственность, укрепим до невозможности твою ячейку. Семейную!

Поедет группа из трех человек. Старший – капитан второго ранга Гейко, с ним Шумилин и... Казаков. Все приказы отработаны и уже подписаны, – заместитель похлопал ладонью по папке, лежащей перед ним на столе. – Подробный инструктаж получите у помощника, – кивок головой в сто-

рону. – А я от себя, ребята, хочу дать вам два совета или приказа, как угодно.

Первое: наша миссия предельно специфична – ядерная безопасность. Всякие технические проблемы, исследовательские работы, наконец, принятие каких-либо решений – не наша компетенция. Не выпрыгивайте из штанов! Там будет более чем достаточно претендентов на роль спасителей человечества. Второе: никаких разговоров ни с кем на служебные темы! Ни здесь, ни тем более там. О бабах, водке – пожалуйста. Тебя, Шумилин, это не касается, лучше молчи! Никаких интервью журналистам! Меня заверили, что их там нет и пока не ожидается. Но я знаю, что говорю: эти везде пролезут. Печальный опыт у нашего Управления в этом вопросе есть. Не подпрыгивай, Шумилин, это еще до тебя было. Ну и маленькое, но важное напоминание: ЧК не дремлет! Как бы оно ни называлось, кому бы ни подчинялось и какие бы задачи ни выполняло. Это уже из моего личного опыта. Сейчас все свободно. Я имею в виду, марш на рабочие места!

– Что имею, то и введу...

Заместитель начальника предпочел не услышать произнесенную вполголоса банальность.

– А вас, Казаков, я попрошу остаться!

Господи, ну прямо семнадцать мгновений весны!

Сергей вернулся к руководящему столу.

– Присаживайтесь, Сергей Михайлович, – капитан первого ранга помолчал, пока последний выходящий офицер не прикрыл плотно дверь снаружи.

– Вы совсем недавно у нас служите, – Сергей согласно покивал головой, – и лично я предпочел бы не посылать вас в эту командировку. Ну, хотя бы из-за недостатка специфического опыта, да. Однако ваша кандидатура обсуждению не подлежала. Я считаю, что должен тебе это сообщить, хотя меня никто не уполномочил. Вообще это дело совсем не так просто, как я тут распинался, и трудно однозначно предположить, в какую сторону все повернется и чем закончится. Будь предельно внимателен и осторожен. Черт! Если нам из Главного штаба конкретно называется фамилия одного из предполагаемых экспертов по ЯБ, не имеющего ни малейшего опыта кабинетной работы, значит, тебе заранее определяется какая-то иная миссия. Может, конечно, я зря все это говорю...

Сергей молчал, а заместитель чувствовал себя как-то очень неуверенно. Такое состояние не было для него привычным, он хмурился, злился неизвестно на что и на все сразу.

– В общем, не это даже главное. Был еще один звонок совсем из другого ведомства, и меня попросили организовать встречу твою с их представителем. – Увидев, как насторожился Сергей, капитан первого ранга тут же отреагировал: – Нет-нет, не из того ведомства, о котором ты, наверное, сей-

час подумал. Но... от этого не легче. Ладно, сам во всем разберешься. Этот человек ждет тебя сейчас в моем кабинете. Поднимайся прямо туда, дверь изнутри захлопните. Мешать вам никто не будет. Я сам пока здесь с документами поработаю. – Он снова как-то обиженно хмыкнул и закончил уже больше для себя: – Надо же, дожили, а? И ведь какие аргументы для меня подобрали?! Убедили на всю катушку!

Сергей поднялся со стула, пробормотав привычное «Разрешите идти?» и, получив утвердительный кивок, направился к двери.

Ему надо было подняться на этаж выше и пройти метров тридцать по коридору. Странно, но за пару минут перехода ни одна мысль не пришла ему в голову, только в такт шагам звучал немудреный мотивчик детской песенки: «Мы едем, едем, едем в далекие края...»

К вошедшему без стука Сергею обернулся от окна высокий молодой мужчина лет тридцати, одетый в модные, легкие бежевые слаксы, коричневые замшевые туфли и кофейного цвета рубашку с короткими рукавами, обнажавшими крепкие руки с впечатляющими бицепсами. Длинные, но прекрасно ухоженные волосы сразу же делали неуместным предположение о принадлежности их владельца к военному ведомству. «Наши-то и в гражданку одеваются с обязательным соблюдением сине-темно-серых правительственных тонов, а уж без галстука и белой рубашки – пописать не зай-

дут».

Пока Сергей захлопывал за собой дверь и запирали ее поворотом большой блестящей ручки врезного замка, мужчина легко пересек кабинет и остановился в двух шагах от вошедшего. Нет, никогда раньше Сергей не видел его. Отсутствие хозяина кабинета вызвало у обоих секундную неловкость, потом мужчина произнес:

– Здравствуйте, Сергей Михайлович.

Сергею сразу понравилось, что незнакомец не протягивал руку, а лишь вежливо наклонил голову. В ответ он тоже кивнул, продолжая внимательно смотреть в лицо гостю. Хотя кто здесь гость?

– Разговор наш действительно не предназначен для посторонних ушей, поэтому Валерий Павлович любезно предоставил свой кабинет. Давайте присядем вот там, – незнакомец указал рукой в дальний угол кабинета, где у журнального столика примостились два разлапистых кожаных кресла.

Удобно устроившись в одном из них, мужчина подождал, пока сядет Сергей, и продолжил, усмехнувшись:

– Вполне одобряю ваше молчание, Сергей Михайлович. Вам, особенно за последний год, пришлось побеседовать со многими людьми. Почти всегда не по вашей инициативе и на темы, скажем так, не совсем для вас приятные. А я бы хотел, чтобы наш разговор заинтересовал вас неподдельно.

Сергей продолжал спокойно молчать. Это не было наигранное спокойствие. Он действительно отучил себя волно-

ваться в ситуациях, не сулящих прямой угрозы, а занимал выжидательно-настороженную позицию. Молчание обычно смущало собеседника, заставляло нервничать, раскрываться. Но не теперь. Незнакомец был абсолютно спокоен, ни одного суетливого движения или нетерпеливого жеста, никаких вопросов.

– Думаю, что сейчас вы чувствуете себя не совсем уютно, ничего не зная обо мне, в то время как уже догадались, что я о вас достаточно хорошо осведомлен. И не только благодаря внимательному изучению вашего личного дела. Поэтому предлагаю немного уравнивать наши шансы, так сказать.

Вежливо-незаинтересованное молчание Сергея грозило показаться хамским и просто вынуждало собеседника проявить свое раздражение. Ничуть не бывало! Из нагрудного кармана рубашки мужчина достал миниатюрный аппарат мобильной связи и положил его на журнальный столик. Такие телефоны еще не получили широкого распространения, а эту модель Сергей вообще видел впервые.

– Я предлагаю вам сейчас позвонить по одному номеру. Не скрою, что сам факт звонка оговорен заранее, но не его содержание. Очень надеюсь, что вы сможете получить информацию, в достоверности которой не будет повода усомниться. Прошу. Номер достаточно длинный, поэтому я ввел его в память, осталось только нажать вот эту кнопку.

«Хитер: номера не раскрывает!»

Все так же не произнося ни слова, Сергей взял телефон,

который полностью спрятался в его большой ладони, и аккуратно надавил указанную клавишу. Ждать пришлось довольно долго. Потрескивания, щелчки, шорохи, дважды что-то коротко пискнуло, потом несколько секунд полной тишины, которую неожиданно пререзал громкий длинный звонок обычного телефонного вызова. Все это время, сидя с прижатым к уху мобильником, Сергей не выпускал из поля зрения своего визави.

Да, выдержка у парня феноменальная! Не сработала ни одна маленькая психологическая «контролька»: сигареты доставать не стал, ногу на ногу не закинул, не начал даже небрежно оглядывать кабинет или изменять положение кресла... Ничего! И при этом никакой наигранности, одна сплошная вежливая и доброжелательная заинтересованность! И все-таки один «тест» сработал, по крайней мере для Сергея: вполне естественные и ожидаемые в подобной ситуации человеческие реакции находились под строжайшим контролем железной воли.

Тут в аппарате неожиданно раздался очень отчетливый и громкий голос:

– Да-да! Я слушаю! Кто это? Говорите!

Если незнакомец рассчитывал ошеломить Сергея, это ему полностью удалось. Низкий мужской голос с характерными модуляциями и легким грассированием невозможно было не узнать по первым же звукам. Машинально Сергей все-таки спросил:

– Федор Генрихович?

– Нет, – загудело в трубке, – подводный атлантический козел разлива 80-х!

– Вовсе не так все печально было. Второе место среди 60 участников – это почетно.

– Тебе, капитан, может, и почетно, а мои адмиральские седины должны были быть увенчаны лавровым венком! Что я, зря тебя в напарники выбрал?

– А я вот на это зря, наверное, согласился! Вы что, меня этим финальным проигрышем при каждой встрече шпынять будете? – И Сергей невинно поинтересовался: – Рога-то дома на стенку приколотили?

– Мальчишка! Тебя ведь можно и не так истолковать.

– А я потому и говорю это вам, товарищ адмирал, что не сомневаюсь в правильной трактовке.

– Ишь, психолог!

Секундное замешательство прошло. Краткий экскурс в историю совместного подводного плавания и участия в чемпионате по домино позволил Сергею собраться с мыслями.

– Как ваша служба, Федор Генрихович?

– Да вот, команду училищем в Санкт-Петербурге. Почетная отставка от оперативной работы, хотя и с повышением вроде и с переводом в Питер сразу же после тех событий год назад.

Сергей пристально посмотрел на сидящего напротив него мужчину: оказывается, что он сейчас с Петербургом разго-

варивает! Ответом был лишь ободряющий взгляд.

– А меня вот, товарищ адмирал, судьба неожиданно свела с вовсе не знакомым человеком, который, оказывается, очень много знает...

Собеседник в Питере не дал ему договорить:

– Ты еще удивишься, Сергей, когда узнаешь, насколько много! В общем, твоего звонка я ждал. Очень хотел бы увидеться, но, чувствую, в ближайшее время это неосуществимо. А по этим трубкам я не умею общаться, живопырки какие-то! Ладно, слушай, капитан! Не судьба тебя свела с этим «молодым человеком», а вполне определенные люди. Это они год назад встали на нашу сторону, поверили тебе через меня. Если бы не те трагические события...

Твой «молодой человек» в курсе абсолютно всего произошедшего. Ему можно доверять, как мне. Он не связан ни с тупоголовыми и продажными из нашего ведомства, ни с... В общем, не знаю, можно ли это говорить, но меня никто не ограничивал. За ним стоит близкий Президенту человек. И с соответствующими полномочиями и возможностями. Хотя я еще тогда жопой чувствовал, что не может все хорошо закончиться. Вот оно и всплыло! Видать, серьезно, раз ты уже беседуешь с Герой и обратился ко мне за подтверждением. Если честно, лучше бы тебе вообще от всего этого откреститься, но я же знаю, что ты полезешь в пекло. Но уж тогда лучшего ведущего, чем этот «молодой человек», тебе не найти.

Сергей слушал, не перебивая. Говорить на отвлеченные темы не хотелось, а конкретные вопросы... Какой смысл их задавать за семьсот километров, если ответ сидит на расстоянии вытянутой руки?

На вежливое прощание ушло не более десяти секунд, после чего Сергей аккуратно положил мобильный телефон на столик, удобно откинулся на спинку кресла и вопросительно взглянул на «своего незнакомца», не проронив, однако, ни слова.

– Редин Сергей Михайлович, в недавнем прошлом капитан-лейтенант, начальник смены перегрузки на спецсудне Северного флота, до этого служба на атомных подводных лодках...

– Такой глубокий экскурс в мою биографию действительно необходим? – перебил Сергей, доставая сигареты.

– Вы правы, в общем-то необходимости нет. А вот на некоторых подробностях последнего года я все-таки остановлюсь. – Мужчина взял предложенную Сергеем сигарету, прикурил ее от поднесенной зажигалки и продолжил: – Все, что вы сообщили в свое время адмиралу Кулебяке, мне известно. Кроме того, расследование, которое мы провели уже спустя некоторое время, не только полностью подтвердило ваши слова и выводы, но и позволило однозначно определить путь поступления к нам тех отработанных урановых стержней и лиц, причастных к этому. Я ведь находился в составе группы, которая была направлена на Новую Землю,

чтобы подготовить там «достойную» встречу вашей плава-
мастерской и получить самые веские улики всей контрабанд-
ной операции. Здесь-то и был наш главный просчет: ошибка
в определении времени и места главных событий. Хотя воз-
можно, что противник изменил планы уже в момент ваше-
го следования по Баренцеву морю, почувствовав уязвимость
своих позиций. Да и ваши активные действия на корабле...

Сергей негромко хмыкнул, то ли соглашаясь с такой оцен-
кой, то ли предлагая собеседнику переходить к сути разго-
вора.

– ...Я же был и в числе тех, кто на спасательном судне
принимал с американской подлодки ваш экипаж, о чем по-
том и было сообщено негромко, но пафосно во многих ми-
ровых средствах массовой информации.

Аккуратно погасив в пепельнице докуренную сигарету,
мужчина открыто и дружелюбно взглянул на хранившего
молчание Сергея.

– Вот тут, я думаю, необходим экскурс уже в мою био-
графию. Зовут меня Герман Талеев. В обиходе просто Гера.
Специальность – журналист. Место работы – Администра-
ция Президента России. Не удивляйтесь, – увидев поднятые
брови Сергея, Талеев усмехнулся, – я не тот штатный репор-
тер или интервьюер, которые постоянно мелькают на экра-
нах телевизоров рядом с Президентом. Я, так сказать, специ-
алист внутреннего профиля. Приходится заниматься и пиар-
ром, и связями с общественностью, и консультациями по са-

мому широкому кругу вопросов от политики и экономики до культуры и здравоохранения...

– Вот-вот, что там насчет «...охранения»? – Сергей пристально посмотрел на Галеева.

– С вами приятно иметь дело, – улыбнулся тот, – вы быстро улавливаете приоритетные направления и четко ограничиваете пространство ответа. Если я скажу, что не имею к «охранению» никакого отношения, это будет грубой ложью. Но с теми структурами, о которых вы думаете, или, точнее, о которых вам известно, мы не имеем ничего общего. МВД, ФСБ, ГРУ, Особый отдел... Конечно, к их помощи прибегают, но в основном Администрация старается обходиться собственными силами. Поверьте, для этого у нас есть все возможности и широкий выбор профессионалов высочайшего уровня. Журналист среди них совсем не редкое явление.

Впрочем, давайте вернемся к нашим проблемам и заботам, возможно, я сообщу еще кое-какие неизвестные вам подробности.

– Ваше состояние в момент переправки на российское спасательное судно было настолько близким к потустороннему, что не составляло никакого труда таковым вас и оформить. Честно признаюсь, на первых порах это было сделано интуитивно: зачем лишние вопросы, разбирательства с главным действующим лицом тех щекотливых событий, тем

более что наши «компетентные органы» в этом деле столь сильно себя дискредитировали. А их попытки восстановить престиж могли бы обернуться для вас весьма трагическими последствиями. Ваша «смерть» удовлетворяла всех. Почему бы не сделать людям приятное?

Теперь пачку сигарет достал из своего кармана Герман и протянул Сергею. Это был «Данхилл». Редин благодарно кивнул, прикурил и глубоко затянулся ароматным дымом крепкого натурального табака.

Талеев тем временем продолжал:

– Ваш пострадавший экипаж быстренько расформировали, демобилизовав практически весь личный состав срочной службы, а офицеров и мичманов раскидали по отдаленным гарнизонам нашей необъятной Родины «для дальнейшего прохождения службы». Впрочем, таких и дюжины не набралось. Конечно, с каждым провели индивидуальную беседу о строжайшем сохранении государственной и военной тайны, а также взяли подписку о неразглашении подробностей событий, таковыми являющихся. Вас же мы поместили в специальное лечебное заведение очень-очень закрытого типа. А дабы в дальнейшей жизни ваша фамилия не послужила красной тряпкой для какого-нибудь «быка» из руководства Армии или других силовых ведомств, мы просто заменили ее, сохранив имя и отчество и слегка «обновив» все экземпляры вашего личного дела в архивах, заодно уж и переведя вас на новое место службы. Поверьте, это совсем

небольшой труд. Да мы и не собирались формировать биографию нового человека, логично полагая, что с течением незначительного времени подробностями вряд ли кто станет интересоваться. В этом мы оказались правы, а вот в другом...

Перед глазами Сергея возникла больничная палата, в которой он провел три месяца. По виду она больше напоминала номер люкс в дорогой гостинице: две комнаты, ванная, туалет, прекрасная мебель, любая бытовая техника. А вот о первых четырех месяцах своего лечения он не мог вспомнить ничего. Вежливые врачи очень подробно описывали ему его тогдашнее состояние: кроме серьезных физических травм – ранения, многочисленные ушибы, переломы, контузия, сотрясение головного мозга, – организм оказался полностью истощен психологически. Далее следовали обычно латинские названия каких-то мудреных психических отклонений, смысл которых сводился к тому, что, «почувствовав» крайнюю степень духовной и физической истощенности организма, мозг как бы замкнулся в себе, прервал всякую связь с таким враждебным внешним миром и лишь подпитывал себя минимально необходимыми элементами, забирая их от других органов тела. Объясняли, что Сергею еще крайне повезло, так как его мозг мог не «раскрыться» и годами, а то и... Удобно устроился: сиди себе в теплой черепной коробке, отдыхай!

– ...в Инспекции по ЯБ вас, конечно, информировали

о фактической стороне случившегося, – Талеев продолжал говорить, казалось, не замечая кратковременной отключки Сергея, – ну а в состав комиссии включили по нашей настоятельной рекомендации.

Редин утвердительно покачивал головой, что могло означать как согласие с собеседником, так и ответ каким-то своим внутренним мыслям. Герман закурил еще одну сигарету и, прищурив от дыма глаза, посмотрел прямо на Сергея:

– Я лично был против вашего привлечения. Ситуация за этот прошедший год сложилась совсем не простая. То, что на обнаруженном затопленном корабле находятся радиоактивные отходы – и твердые, и жидкие, и еще черт разберет в какой форме, – знают сейчас все, кому не лень изредка читать газеты и пялиться в телевизор. То, что это ТВЭЛы из реакторов АПЛ, известно многим специалистам. Но как и зачем урановые стержни из недр реакторов натовских субмарин оказались на российском перегрузчике, известно очень-очень немногим. И они, я полагаю, готовы землю грызть, чтобы правды не узнал никто. Кроме того, за это время несколько переориентировались акценты и в экономическом, так сказать, подходе.

Заметив удивленно приподнятые брови Сергея, Талеев пояснил:

– Может, я не совсем правильно выразился, но благодаря именно вашим действиям и всего экипажа, разумеется, на состоявшихся переговорах по утилизации и переработ-

ке ядерных отходов Президент смог настоять на своих требованиях и выговорить максимально высокую цену за размещение их на территории Российской Федерации. Однако теперь появились серьезные внутренние вопросы: кем конкретно будет осуществляться весь комплекс мероприятий по захоронению и переработке этих отходов – государством или крупными частными корпорациями. Если все-таки второе, то в какой форме и степени государственные органы будут контролировать такую деятельность.

Во всех властных структурах: и в правительстве, и в Думе лоббирование интересов этих самых крупных частных инвесторов уже превысило все допустимые пределы. Еще бы, это же многомиллиардные прибыли! Мы, то есть те, кто стоит на охране государственных интересов и сфер влияния, безнадежно проигрываем. А кто в таком случае даст гарантию, что часть переработанного и обогащенного урана не окажется в руках оголтелых экстремистов? Как у нас, так и в третьих странах. Этого нельзя допустить!

И вот вместе с вашей плавмастерской «выплыл» шанс всерьез и надолго взять в руки государства все работы с радиоактивными материалами. Надо лишь представить неопровержимые факты предпринимавшихся еще год назад попыток запрятать в наших хранилищах «ихнюю грязь», минуя госконтроль. Хотя что же я вам-то объясняю?! В таком вопросе вы меня можете поучить!

Но вот нюанс: пока еще очень предварительные выво-

ды уже начавшей свою работу многочисленной госкомиссии весьма для нас неутешительны. Общее мнение склоняется к тому, что затонувший корабль не представляет никакой экологической угрозы, а находящийся на нем груз хоть и опасен для окружающих, но вполне надежно скрыт в корабельных хранилищах под соответствующей защитой, отвечающей всем параметрам ГОСТов. А раз «надежно скрыт», то любые вмешательства извне не нужны и даже противопоказаны. По-простому: не трожь говно...

Тут не выдержал Сергей и слегка присвистнул.

– Да-да, – подхватил Талеев, – именно так. Мы не можем бороться со всей комиссией. Понятно, что туда засланы многочисленные представители, лоббирующие интересы частных корпораций. О подъеме корабля с такой глубины и речи быть пока не может. Нам нужны факты, осязаемые доказательства, чтобы влезть в хранилища. Простите меня, пожалуйста, что я как-то не даю вам даже рот раскрыть, но, оценивая ваши действия, побеседовав с Федором Генриховичем, я в общем-то почти не сомневаюсь в вашем решении.

Сергей встал с кресла, прошелся по кабинету, разминая затекшие ноги, даже подошел к окну и окинул ни на чем не задерживающимся взглядом внутренний двор их Управления. Потом повернулся к Талееву:

– Официальную часть можно считать законченной? Тогда у меня пока только один вопрос: почему лично ты был против моего привлечения к делу?

Только очень внимательный наблюдатель мог заметить, как расслабились мышцы сидящего в кресле мужчины.

– А я теперь и не против. Хочу только, чтобы ты хорошо представлял все реальные угрозы и знал, с чем, возможно, придется столкнуться.

После обмена этими фразами мужчины посмотрели друг на друга и как-то очень похоже усмехнулись.

– Что ж, просвещай.

– Не в обиду будет сказано, но все военные люди не до конца понимают и принимают гражданское общество, особенно такое быстро меняющееся, как наше. А ты еще и был в изоляции почти год. Это большой срок сейчас для России. Нам вряд ли придется столкнуться с «изоэренной игрой иностранных спецслужб». Даже такие «обожаемые» тобой структуры, как ФСБ, ГРУ и иже с ними, отходят на второй план. Если удастся, мы наступим на мозоль или на горло современным олигархическим кланам. У них свои службы безопасности, свой спецназ и разведка. Даже своя мораль, точнее, полное ее отсутствие. И купленные люди во всех силовых структурах. А по сравнению с финансовыми возможностями такой мафии даже наш Центробанк выглядит бедным родственником.

– Удручающая картинка, – неторопливо произнес Сергей.

– А вот поэтому ты и будешь просто добросовестно выполнять роль рядового члена комиссии. Причем очень и очень незначительного. Всего лишь капитан третьего ранга

Казаков, представитель Инспекции по ядерной безопасности, на фоне генеральских эполетов, докторских степеней и академических званий.

– Рад стараться, ваше высокоблагородие! – рявкнул Сергей, выкатив глаза.

– Вольно, голубчик!

Они явно понимали друг друга с полуслова.

– Никто так, как ты, не знает этот корабль. Ни один проектировщик не имеет представления обо всех перестройках на его борту, которые за 30 лет эксплуатации самостоятельно осуществили десятки поколений служивших на судне людей. Так ведь?

Сергей согласно кивнул:

– Ты, Гера, даже не представляешь, насколько их чертежи далеки от действительности.

– Вот ты и подскажешь на месте что-нибудь практически неопределимо полезное. А мы тут же выведем тебя из игры и отправим обратно в Москву. В строгую тишину уютных кают.

– За что же сразу в опалу-то? А награду заслуженную? Полцарства, принцессу?..

Однако тут Талеев не принял шутливого тона:

– Ты думаешь, это долго и трудно выяснить, откуда придет «неопределимо полезная» информация? А дальше, лишь слегка копнув, открыть истинное лицо и параметры капитана второго ранга Казакова? Какая за этим последует реакция, я

предсказать не берусь. Но явно весьма негативная, если не трагическая.

– Гера, не сгущай краски. Танк блоху не давит!

– Если та блоха не выползла на гладкий камешек всем на обозрение.

– О, с такой интерпретацией я еще не сталкивался. Оригинально!

– Да и не блоха ты вовсе, а толстый ржавый гвоздь в заднице, от которого и окочуриться можно.

– Ладно, товарищ журналист. Давай оставим моделирование событий до появления на месте и конкретных результатов. Времени действительно мало осталось – еще собраться надо. Самолет-то завтра утром?

– Ваш – да. А я лечу уже сегодня.

– ?

– Ну, не под ручку же нам появляться на «Свяиге»? Я ведь единственный официально аккредитованный журналист. Да и то с правом голоса только после окончания работы комиссии.

А на месте мы с тобой еще раз подружимся на почве каких-нибудь общих внеслужебных интересов.

– Слушай, а бабы и водка подойдут?

Гера глубокомысленно задумался, пошевелил губами, словно пробуя что-то на вкус, затем изрек:

– Водка – это хорошо. Бабы – зло! Но как без них-то? Подружимся.

Глава 2

Плавбаза «Свяга» была построена в счастливые годы социалистической интеграции в польском Гданьске. Они там для всего Совета экономической взаимопомощи строили. Это как автобусы «Икарус» из Венгрии или всякая фруктово-овощная консервация из Болгарии. Строили по типовому проекту, а уж перестраивал заказчик самостоятельно на родине в соответствии со своими прихотями.

«Свягу» на питерских Адмиралтейских верфях перекроили грандиозно. Проект был даже засекречен. Ведь не годится знать первому встречному о повышенной прочности корпуса, уникальной остойчивости, наличии вооружения и вертолетной площадки. Но главный секрет, конечно же, находился ниже ватерлинии, в самом днище корабля, ближе к корме. Это был целый уникальный комплекс для приема, обслуживания и транспортировки подводных мини-лодок. Эдакий увесистый кукиш в кармане ничем с виду не примечательного полувоенного вспомогательного корабля. Вот только использовать его новые уникальные свойства с полной отдачей по прямому назначению так и не пришлось: вероятно, мини-лодки оказались слишком громоздкими, и больше одной штуки в комплекс не помещалось. А это никак не могло удовлетворить амбиции военных флотоводцев. Для практического использования была создана другая ба-

за-матка. «Свияге» же определили роль исследовательскую, возможно, спасательную и до поры законсервировали у отдаленного пирса одной из военно-морских баз Северного флота.

Теперь плавбаза «Свияга» находилась примерно на половине расстояния от Мурманска до Новой Земли, чуть в стороне от трассы Северного морского пути. Здесь начинался обрывистый уступ Центральной впадины, уходящей в глубину на многие сотни метров. А на его гранитном карнизе прилежал обнаруженный затонувший корабль спецназначения – перегрузочная плавмастерская.

«Свияга», надежно закрепленная четырьмя основными и двумя дополнительными якорями, покачивалась на глубине метров восьмидесяти не далее чем в полумиле от этого места.

Гейко, Шумилину и Казакову с погодой на всем пути просто повезло: теплый, тихий, солнечный летний день. Никаких задержек с самолетом и вертолетом. Поэтому еще не было и 15 часов, когда, встреченные и размещенные на «Свияге», они собрались в одной каюте, чтобы уточнить график работы.

– Давай, Валентин, обряжайся в форменный сюртук, – весь путь офицеры, следуя приказу, проделали в «гражданке», – и двигай на доклад к начальству. – Шумилин явно су-

етился, быстренько спроваживая старшего из каюты. – Оно, как известно, ждать не любит. Не всем же нам хором переться. А мы пока перекусить что-нибудь сообразим к твоему возвращению. Шутка сказать, с утра без маковой росинки.

Гейко невозмутимо поправлял перед маленьким зеркалом над рукомоёмником узел форменного галстука.

– Сергей, ты присмотри тут за ним, пока меня нет, не уходи в свою каюту. А то как бы он сосание в желудке не перепутал с пожаром в «трубах» и не начал его гасить «огнетушителем», который так бережно прячет в своей дорожной сумке.

– Ага.

– Знаю ведь, что все равно не утерпит до моего прихода, так хоть пусть не слишком усердствует, – последний лоск был наведен, и Валентин вышел из каюты.

– Вот видишь, – Костя Шумилин обращался теперь к Сергею, сидящему на койке, – как хорошо даже в такой маленькой группе, как наша, иметь дисциплинированного старшего. А то почему-то ошибочно полагают, что дисциплина – это удел подчиненных, – Костины руки ни на секунду не оставались в покое: два стакана от умывальника перекочевали на столик у иллюминатора, из самых глубин дорожной сумки на свет появилась металлическая фляжка, явно изготовленная на заказ, так как по объему приближалась, вероятно, к полутора литрам. За ней последовали колбаса, хлеб, сыр, яйца, огурцы, помидоры, причем все – уже порезанное и расфасо-

ванное по отдельным целлофановым пакетикам.

– А ты чего стоишь, как неродной? Выкладывай свою закуску на стол. Да поторопись, пока она не превратилась в заурядную еду.

– Как это? – не понял Сергей.

Шумилин, приняв вид добродушного профессора, охотно пояснил:

– Самая замечательная закуска превращается в обыкновенную еду, стоит только закончиться выпивке.

– Ну, с этим быстро не покончишь, – Казаков указал на фляжку.

– И опять ты ошибаешься, сынок. Скорость уменьшения количества спиртного в отдельно взятой емкости обратно пропорциональна возможности его пополнения извне и прямо пропорциональна расстоянию до ближайшего гастронома.

– Костя, ты просто Спиноза! Неужели тебя этому в Инспекции обучили?

– Что ты! Всосал с молоком матери. А в Инспекции нас учат не тянуть, а то появится начальство и в лучшем случае ополовинит дозу. Хотя знаешь, Валентин – нормальный мужик. Он ведь вторую звезду и должность старшего офицера совсем недавно получил. Ну прямо перед твоим назначением к нам. Не он один тогда приподнялся. «Ушли» на пенсию «самого»! – Костя выразительно закатил глаза к потолку, продолжая при этом откручивать заглушку на фляжке и

нащупывать рукой стакан. – И одного из его заместителей. Вот и произошли подвижки по всей лестнице.

Думаешь, шеф так хотел в отставку? Поговаривают, что он оказался запачкан в какой-то нехорошей истории то ли с квартирами, то ли со взятками. Но из наших большинство не сомневается, что он лично абсолютно ни при чем – честный старикан был, – а вот зам этот прикрывал какие-то крупные махинации с радиоактивными отходами, и тоже ведь не для себя, а для еще более высокого военного начальства. Так что поплатился по делу, а шеф – «за недостаточный контроль» и пр.

Но мы проконтролируем немедленно и до дна содержимое этих стаканов. Надо всегда делать правильные выводы из ошибок руководства. Главное, максимально практические!

Шумилин поднял стакан, кивнул Сергею, пробормотал: «Будем!» – и в два глотка осушил. Он даже не обратил внимания, что уже какое-то время Сергей лишь отрешенно покачивает головой в такт его словам, совершенно не вникая в смысл услышанного. Так и было.

«Как же порой причудливо и насмешливо распоряжается судьба: он, Сергей Редин, своими действиями на борту плавмастерской и на американской подлодке «расчистил» для себя «теплое местечко» в штате Инспекции по ЯБ! Ну и «хай будэ!», как говорил его друг, начальник перегрузчика Сердюк.

Сергей сделал большой глоток из своего стакана, и его гла-

за помимо воли так и выкатились прямо на Шумилина. Было в этом такое недоумение, вопрос и настоятельное требование объяснений, что Костя поспешил невинным голосом прокомментировать:

– Правда здорово, да? Мой фирменный секретный рецепт. Исключительно на натуральных травках, прозрачен, как слеза, семьдесят градусов крепости...

В это время Сергею кое-как удалось перевести дух:

– Предупреждать же надо!

– Ну никак не мог я тебя предупредить: наши-то все мою «кулинарную химию» уже знают, а тут новый человек...

Промокнув невольно выступившие на глазах слезы, Сергей уже миролюбиво сказал:

– Вообще-то я считал, что мою глотку ничто уже прогнать не может. Однако нет пределов человеческой изобретательности! Хотя, может, все к лучшему, а то что-то я покашливать начал, да и насморк...

– Забудь! Понос может быть, пекло в кишках, нервный тик, судороги конечностей, но ангина, насморк, чахотка, гангрена и пятнистая лихорадка Скалистых гор излечиваются полностью! А если принять до... не страшны и гонорея, сифилис, твердый шанкр и СПИД!

– ?

– Честное слово, на себе проверил! Сколько уже лет, а ни СПИДа, ни пятнистой лихорадки.

– Логично.

В это время задергалась ручка на входной двери, и раздался голос Гейко:

– Живые, откройте!

За те несколько секунд, пока Сергей подошел к двери и отодвинул щеколду, Шумилин успел плеснуть в свой стакан из заветной фляжки, неуловимым движением отправил эту порцию в рот и уже неторопливо потянулся к пачке сигарет, лежащей на столе под лампой. Но вошедший капитан второго ранга не обратил на Костины телодвижения никакого внимания. От природы невозмутимый и сдержанный, сейчас он был крайне раздражен.

– Можно подумать, что мы им навязываемся!

Валентин снял тужурку, галстук и опустился на койку.

– В общем, попали мы к шапочному разбору. Не знаю, почему так получилось, но комиссия работает здесь уже полторы недели. Я докладывался первому заму руководителя комиссии. Какой-то адмирал из ГУКа и фактический начальник всего и вся здесь. Так вот, картина такая вырисовывается: несмотря на разношерстность местной компании, общее мнение вполне единодушно. Затопленный корабль, оказавшийся на 300-метровой глубине и служивший перегрузочным судном для ядерных отходов с наших АПЛ, по своим конструктивным особенностям является надежным хранилищем для отработанных урановых стержней, находящихся на его борту. А уж раз волею судьбы и природы пребывает на дне морском, так тому и быть. Мало, что ли, официальных

и полулегальных захоронений существует в этих районах? По поводу радиоактивного заражения какой-то там живности конкретно отсюда прямых доказательств не обнаружено. Хотя фон, конечно, значительный, глобальных выбросов радиации не зафиксировано.

Ну а уж если какая дурная креветка случайно заплыла к стержням прямо с минимально защищенной стороны, да еще, возможно, и откусила кусочек урана – это ее проблемы, а не тема для разжигания панических настроений среди двуногих обитателей суши. Я внятно изложил? – Последнюю фразу Гейко произнес, явно копируя голос и манеру адмирала.

– Более чем, – констатировал Сергей. – И каковы же будут наши дальнейшие действия?

Из объемистой сумки капитан второго ранга извлек спортивный костюм и домашние тапочки.

– Вот сейчас переоденусь, закусим слегка, – он погладил рукою намечающееся брюшко, – без этого принимать внутрь дары нашего алхимика просто небезопасно. Потом отдохнем как следует перед завтрашним тяжелым днем, – он театрально строго посмотрел на Шумилина, – слово «отдохнем» в русском языке имеет много значений. Я предпочитаю покой и сон, некоторые...

– И ты, начальник! Чуть что, сразу Шумилин.

– Ну, Костя, я же тебя слишком хорошо знаю.

Завершив переодевание, Валентин облегченно вздохнул:

– А разговор наш с адмиралом закончился тем, что я представил ему официальный план наших действий – накропал еще перед вылетом из Москвы – и запросил разрешение на использование АПИСа.

– Кого?

– Вот сидите вы тут и не знаете, что это – автономное поисково-исследовательское судно. Главное и ценнейшее, что имеется на всем этом корыте, да и в ВМФ, возможно, тоже. Короче, это переделанная боевая мини-подлодка. Оружие убрано, аппаратура добавлена, манипуляторы всякие, обзор... Я вообще-то только с чужих слов могу судить, сам не видел. Она нас и доставит завтра к нашему «утопленничку». Еще с нами корреспондент какой-то будет. Бедный адмирал, когда разрешение подписывал, все губы себе изжевал.

Все было предельно ясно, и задавать какие-либо уточняющие вопросы Сергею не хотелось.

На ужине в столовой он действительно заметил Талеева за соседним столиком. Даже возникла общая ни к чему не обязывающая беседа. Конечно же, инициировал ее Шумилин, которому принятое внутрь не позволяло оставаться спокойным и молчаливым. Впрочем, все было в рамках военных приличий и не привлекло ничьего внимания.

Ближе к окончанию ужина Сергей заметил приглашающий жест Талеева и, оправдавшись перед Валентином усталостью после дороги, вышел в коридор и последовал за без-

заботно шагавшим к трапу журналистом.

Каюта Геры располагалась в дальней кормовой оконечности второй палубы.

После того как Сергей выложил свои новости, Талеев с минуту помолчал, как бы прикидывая, с чего начать.

– Фамилия нашего адмирала – Феклистов. Когда я с ним утром беседовал, он был любезен до приторности, покорял меня рассказами о суровых и мужественных моряках, с честью выполняющих свою нелегкую работу... Очаровывал, в общем. Я ведь для него посланник Кремля, единственный рупор его несомненных успехов.

Кстати, я еще успел поговорить накоротке с некоторыми не последними здесь людьми: если кто и имеет собственное мнение, то старается его не афишировать. Взбрыкивают лишь экологи с биологами, но их специально пригласили на вторые роли, и решающего голоса они не имеют.

Да что там члены комиссии, я встретил тут пару-тройку знакомых лиц из компетентных ведомств. Так они даже мною не заинтересовались! Вместо того чтобы хоть для порядка «сделать стойку», ведут себя как кастрированные коты на теплой крыше.

Вывод один: все полученные ими указания с блеском выполнены, дело практически закрыто, и никаких подвохов даже на дальнем горизонте не наблюдается. Что приуныл, Серж?

– Пытаюсь правильно свои силы оценить и распределить.

– Ну, а что так мрачно? У меня, например, сложилась твердая уверенность, что сил у тебя на десятерых хватит, а духу – им и не снилось! Я ведь в свое время видел рожи тех американских подводников. Они всех вас боялись, даже раненых и беспомощных, а некоторых, – Талеев многозначительно глянул на Сергея, – даже не подающих признаков жизни, и то обходили стороной.

– Это в другой жизни было, Гера.

– Жизнь одна! Тоже мне, буддист выискался. Да тебе...

– Чего взъелся-то? Я реальные силы прикидываю на завтра. Вспоминаю любые мелочи, которые могут помочь.

– Ты не обижайся, Михалыч. Это я собою недоволен. Все время боюсь, что зря втравил тебя в это дело.

– А что бы ты без меня делал? Я не страдаю недооценкой собственной значимости. Если кто-то и может что-либо изменить, так это я.

– А я тебя по возможности подстрахую.

Они еще с полчаса посидели в каюте, покуривая и изредка перебрасываясь малозначащими фразами. Завтра предстоял нелегкий день, и встретить его надо было во всеоружии.

Впервые за последний год Сергей снова оказался в море на корабле. Он неторопливо двигался по палубе вполне комфортабельного парохода, а ощущал себя там, на заминированном, уже полузатопленном перегрузочном судне. Справа – обугленный остов догорающей ходовой рубки, в ушах –

свист шквалистого ветра. Бьющие прямо в лицо струи то ли дождя, то ли брызг мешают четко различать контуры предметов и силуэты людей, но он знает, что рядом все они: начальник мастерской Сердюк, и Женечка, и Дронов, и Генка, живые и мертвые, мужчины и совсем мальчишки, сильные и слабые, беспомощные, неопытные, но готовые драться до последнего вздоха...

Тогда они уже победили. Несмотря на то что впереди были и перевернутые спасательные шлюпки, и утонувший резиновый плот, был обжигающий холод ледяной морской воды...

Не все остались живы на этой земле. Но выжить и победить – две разные вещи. Они победили вместе со своим кораблем. Так победили крейсер «Варяг» и миноносец «Стерегущий»...

Для Сергея исчез разрыв во времени. Нет этой спокойной, благополучной мирной жизни. Его бой не прекращался ни на минуту. И он обязательно его выиграет, любой ценой! За тех, кто тогда пошел за ним. Кто сделал невозможное. Кто не дожил.

В семь часов утра офицеров из Инспекции по ядерной безопасности и московского журналиста уже ждали в святая святых корабля – на нижней палубе кормового отсека, чтобы на АПИСе погрузиться к исследуемому объекту.

Вахтенный за стеклом крохотной будочки проверил документы, сделал запись в журнале и вежливо предложил следо-

вать за ним. Они миновали еще пару коридоров, спустились по короткому трапу и очутились в просторном отсеке. Прямо посередине палубы плескалась вода. Собственно, палубы-то и не было, лишь по периметру у бортов неширокий металлический настил образовывал проход. В самой центральной «полынье» замер на воде АПИС.

Офицеры и журналист увидели его впервые. Впрочем, все они за свою жизнь достаточно насмотрелись на самые разные проекты подводных лодок, а трое моряков провели в прочном корпусе не один месяц, так что вид уменьшенной копии никого не привел в благоговейный трепет. На трап, переброшенный к входному люку в обтекаемой рубке АПИСа, твердо ступили ноги настоящих подводников. Талеев в ловкости передвижения по скользким металлическим ступеням и спуску в узкие горловины по отвесным трапам ничуть не уступал «морским волкам». Через минуту все очутились в небольшом центральном посту, где их встретил мужчина лет двадцати восьми, представившийся помощником командира. Еще один обитатель центрального поста колдовал над горизонтальной панелью с ключами управления, мигающей десятками контрольных ламп. Он лишь быстро оглядел вошедших и снова продолжил свои манипуляции. Одеты оба члена экипажа были в черные комбинезоны без каких-либо знаков различия и пояснительных бирок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.